

Глава 33. Смущение и гнев

Линь Фэнмин умел разжечь пламя, но совершенно не заботился о том, кто будет его тушить. Бросив провокационную фразу, он попытался ускользнуть, не заботясь о том, какой эффект произвели его слова.

Однако Янь Юнь явно не собирался его отпускать. Он крепко сжал пальцы на талии мужа, притиснул его к двери и, склонившись к самому лицу, прошептал: — Раз уж мы решили изменить твоему мужу, стоит ли так шуметь? Не боишься, что он нас услышит?

Линь Фэнмин отвернулся, не давая себя поцеловать. Он уперся ладонями в плечи мужчины, намереваясь оттолкнуть его, но едва почувствовал под тканью жар чужих мускулов, как дар речи покинул его, он забыл все слова, а кончики ушей вспыхнули пунцовым.

Его руки словно приклеились к этим плечам: он не мог ни оттолкнуть его, ни заставить себя отпустить.

Янь Юнь мгновенно разгадал его состояние. Он без лишних слов накрыл губы профессора своими и, прервав поцелуй лишь на миг, с усмешкой спросил: — Ну и кто из нас теперь слабак, Ниннин?

Линь Фэнмин судорожно вздохнул и, упорно глядя в сторону, выдавил: — Ты.

Янь Юнь лишь хмыкнул и, проявив изрядную долю бесстыдства, перехватил его ладони.

Профессор перестал сопротивляться. Он прислонился к двери, притихший и покорный, словно замороженный олень. Его ресницы мелко дрожали, скрывая взгляд. Со стороны могло показаться, что он занят чем-то крайне серьезным, но на самом деле, стоило его прохладным пальцам коснуться тела Янь Юня сквозь тонкую ткань, как всё его существо накрыла волна необъяснимой слабости.

— Так кто здесь слабак? — снова потребовал ответа актер.

Уши Линь Фэнмина горели, но он не нашел в себе сил убрать руки: — Ты просто невыносим... Это подлый прием. Самый настоящий соблазн...

Янь Юнь изогнул бровь и тут же разжал пальцы: — Ты всегда можешь отказаться.

Теперь, когда его больше ничего не удерживало, Линь Фэнмин втайне стиснул зубы. У него не повернулась рука отстраниться, поэтому пришлось пустить в ход словесную эквилибристику, чтобы хоть немного унять муки совести: — Раньше тебе такое не нравилось. С чего вдруг сменил тактику?

До развода Янь Юнь больше всего задевало то, что Линь Фэнмина, казалось, интересовало лишь его тело. Всякий раз, когда после душа профессор замирал, не сводя с него глаз, актер в раздражении подходил к нему, хватал за подбородок и заставлял смотреть в лицо: «Что тебе нравится больше: мое лицо или фигура?»

Линь Фэнмин тогда долго и серьезно обдумывал этот вопрос, прежде чем ответить: «Если выбирать из двух зол, то, пожалуй, лицо».

Янь Юнь сам загнал себя в ловушку этим вопросом, но ответ мужа привел его в ярость: «Тебе плевать на меня как на личность! Тебе нужен только фасад!»

Загнанный в угол профессор лишь молча взирал на него, а спустя время выдал классическую фразу из репертуара заправских мерзавцев: «Если хочешь так думать — воля твоя. Мы будем этим заниматься или нет? Если нет, я пошел спать».

Заканчивалось всё тем, что Янь Юнь раз за разом заставлял его повторять «я тебя люблю». Но сколько бы раз эти слова ни звучали в постели, обида в сердце актера не угасала. Он был убежден, что Линь Фэнмин лишь потакает своим желаниям, а не испытывает к нему истинную привязанность. Он до смерти боялся, что если однажды появится кто-то более атлетичный или красивый, супруг без раздумий бросит его. В глубине души Янь Юнь всегда чувствовал себя незащищенным.

Однако сейчас он отбросил все прежние сомнения и в открытую использовал свои физические данные как приманку, с удовлетворением наблюдая, как добыча сама идет в руки.

— Раньше я был законным супругом и должен был соблюдать приличия, — Янь Юнь нес сущую околесицу, даже не моргнув глазом. — А сейчас я всего лишь «дикий мужчина». Если я не буду пускать в ход такие уловки в нашем тайном романе, как мне удержать тебя рядом?

Очевидно, уловка сработала блестяще. Линь Фэнмин из последних сил сдерживался, чтобы не убрать руки, его дыхание сбилось, а пальцы невольно начали очерчивать рельеф чужого тела.

Пользуясь своим преимуществом, Янь Юнь бесстыдно приказал: — Подними голову.

Линь Фэнмин помедлил, его ресницы дрогнули, и, несмотря на напускное нежелание, он всё же поднял взгляд.

На губах Киноимператора Яня заиграла торжествующая улыбка: — Поцелуй меня.

Профессор вспыхнул до корней волос и процедил сквозь зубы: — Не наглей...

Янь Юнь ничего не ответил, лишь снова перехватил его ладони и потянул их выше по своему телу. Жар чужой кожи заставил сердце мужчины забиться еще быстрее.

— Ниннин, — прошептал он, словно накладывая заклятие. — Поцелуй меня.

Мышцы Линь Фэнмина напряглись, всё его тело мелко дрожало, прижатое к двери. В конечном счете он не выдержал искушения и, словно лебедь, изгибающий шею, запечатлел поцелуй на его губах.

Властная ласка лишила его воли. Линь Фэнмин чувствовал, как его сознание тонет, а последняя хрупкая преграда в душе рушится под напором страсти. В самый критический момент остатки рассудка заставили его отстраниться, тяжело дыша: — Нам... завтра работать.

В это мгновение он словно вернулся в то далекое лето. Днем — изнурительный труд под палящим солнцем, вечером — ледяная вода из таза, чтобы смыть липкий пот, и жесткая кровать. Тогда он тоже пытался сопротивляться, хотя и не слишком уверенно: — Нельзя... завтра еще работать.

Янь Юнь и сейчас, как тогда, не собирался отступать, хотя и не проронил ни слова.

Сердце Линь Фэнмина колотилось о ребра, он ясно понимал, что долго не продержится. В конце концов Янь Юнь отпустил его руки, медленно скользнул губами вдоль шеи и опустился перед ним на колени.

Осознав, что тот намерен сделать, Линь Фэнмин застыл. Прежде чем мозг успел обработать информацию, его пальцы уже запутались в волосах мужа. Актер поднял на него взгляд, и в этом ракурсе, снизу вверх, он был пугающе похож на охотящегося волка.

«Оттолкнуть... нужно просто оттолкнуть его...»

В голове роились тысячи мыслей, но Линь Фэнмин лишь бессильно сжимал пряди волос на затылке Янь Юня, безвольно наблюдая, как тот лишает его последней капли здравомыслия.

Разум захлестнула стихия, перед которой любые доводы логики казались ничтожными. Когда Линь Фэнмин пришел в себя, в комнате царил полумрак. Он лежал, прикрыв глаза рукой и тяжело дыша. Его одежда была в беспорядке, открывая взгляду большие участки кожи, а на глазах блестели слезы.

Янь Юнь, прополоскав рот и вернувшись из ванной, замер на пороге. Увиденная картина заставила его невольно остановиться.

Линь Фэнмин поднял голову и столкнулся с ним взглядом. На мгновение в его душе что-то дрогнуло; он поспешно отвел глаза, снова скрывая лицо.

Кровать слегка просела под тяжестью чужого тела. Красный как рак, профессор пробормотал: — Ты просто... животное.

Янь Юнь усмехнулся и придвинулся ближе: — Сначала получил удовольствие, а теперь ворчишь? Хочешь, я покажу тебе, как ведет себя настоящее животное?

Линь Фэнмин вздрогнул и порывисто отвернулся к стене. Янь Юнь лег рядом, привычным движением притянул его к себе и запечатлел поцелуй на его лбу: — Почему ты так суров с любовником? Твой муж говорил мне, что ты вел себя с ним совсем иначе.

Линь Фэнмин, окончательно сбитый с толку этим наглым заявлением, уткнулся лицом в его грудь: — У тебя слишком длинный язык для «тайного романа». Либо спи молча, либо проваливай.

Тот, кто действительно остался в выигрыше, лишь довольно улыбнулся. На этот раз он не стал спорить, лишь крепче обнял мужчину: — Спи. Спокойной ночи, Ниннин.

И он тихо замурлыкал какую-то мелодию.

До развода Янь Юнь часто убаюкивал Линь Фэнмина своими песнями. Но сегодня это случилось впервые после их расставания. Профессор замер. Когда до него дошел смысл происходящего, в душе шевельнулось необъяснимое чувство, словно в ледяной стене протаяла крохотная лазейка, сквозь которую хлынуло нестерпимое тепло.

Спустя долгое время он едва слышно выдохнул: — Спокойной ночи.

На следующее утро, едва участники закончили завтрак, прибыл автобус съемочной группы. Солнце уже стояло высоко. Едва они вышли за порог виллы, как Жуань Сянь начал капризно жаловаться: — Как же жарко... Неужели нельзя было подождать, пока спадет зной?

Говоря это, он украдкой поглядывал на Чэн Сюя, но тот игнорировал его, не сводя глаз с Му Яна. Вспомнив вчерашние слова бывшего мужа, Жуань Сянь почувствовал еще большую обиду. Он закусил губу и посмотрел на Му Яна, но тот, казалось, витал в облаках, совершенно не замечая происходящего вокруг.

Цвет кожи Му Яна был бледным, но не тем здоровым, как у Линь Фэнмина, а болезненным и хрупким. Он казался таким же кротким и бесцветным, как и его натура. Нетрудно было догадаться, что он всё еще переживает из-за Чжэн Чуханя.

Му Ян кардинально отличался от Чэн Сюя: он был слаб духом, но предан в своих чувствах. Даже если любовь прошла, он всё равно хранил в сердце крупницы доброты и сострадания к человеку, с которым делил прошлое. Чэн Сюй же был иным: в любви он сгорал дотла, отдавая всего себя, но, перегорев, становился пугающе равнодушным.

В этом и заключалась разница между пылким юношей и зрелым мужчиной. Юношеская любовь жарка, а ненависть — абсолютна. У взрослых же эти границы часто размыты, особенно если человек по своей природе нерешителен.

Жуань Сянь внезапно ощутил укол ревности — и к Му Яну, и к несчастному Чжэн Чуханю. Почему Чэн Сюй так легко вычеркнул его из жизни, в то время как Му Ян продолжает беспокоиться о своем бывшем вопреки всему?

В его душе шевельнулось злоба. Он подумал, что Му Ян похож на унылого вдовца — старого и слабого. Чэн Сюй наверняка просто пытается досадить ему. Стоит Жуаню немного пострадать или прикинуться обиженным, как лед в сердце бывшего мужа непременно растает.

Дуань Синбэй, изнывавший от жары, совершенно не замечал этих подковерных интриг. Он лишь усердно обмахивался рукой: — Я мало что в этом смысле, но у сельского хозяйства свои сроки... Крестьяне веками так трудятся. Жарко — значит, жарко, ничего не поделаешь.

Жуань Сянь нахмурился, собираясь продолжить жалобы, но тут подошел автобус. Стоило им оказаться в прохладе салона, как всё его недовольство мгновенно улетучилось.

Поскольку сегодня предстоял физический труд, все оделись максимально легко. Янь Юнь выбрал черную майку, выставлявшую напоказ рельефные мышцы рук. В таком виде он разительно отличался от привычного образа безупречного Киноимператора. И только Линь Фэнмин остался верен себе, надев светлую рубашку с длинным рукавом, которая лишь подчеркивала его изящество. Рядом с атлетичным Янь Юнем он казался еще более хрупким.

Зрители трансляции мгновенно оживились:

«Боже, с такой фигурой Братец Юньцзы может довести жену до слез на любой кровати!»

«А-а-а! Сюжет про сурового атлета и городского красавца становится реальностью!»

«Теперь понятно, почему Ниннин терпел его выходки в период ухаживания. С таким телом можно простить что угодно».

«Ниннин: "Когда мой муж молчит, я люблю его всем сердцем"».

«Ха-ха-ха! Бог дал ему тело манекенщика, но забыл зашить рот».

«Погодите... Почему Ниннин снова в длинном рукаве? Здесь что-то нечисто!»

«Подозреваю, что под тканью скрываются художества Братца Юньцзы».

«Юньцзы, признавайся, вчера ночью ты всю наслаждался жизнью, пока мы спали?!»

«Обожаю эту разницу в телосложении! Кто-нибудь, спасите меня!»

Спустя двадцать минут пути автобус прибыл на место. Едва открылись двери, как в салон ворвался запах земли и пшеницы. Глядя на бескрайние поля, Линь Фэнмин почувствовал, как в его душе поднимается сложный коктейль эмоций.

Сначала персонал шоу выдал всем инструменты и проинструктировал, как избежать теплового удара, и только после этого участников развели по их участкам. Чэн Сюй и Му Ян, выбравшие лучшие земли, первыми забрали инвентарь и ушли. Жуань Сянь преданно смотрел вслед Чэн Сюю, но тот даже не обернулся.

После ухода Чжэн Чуханя часть интернет-пользователей начали проникаться к Жуань Сяню жалостью. В отличие от своего скандального партнера, Сяньсянь обладал миловидной внешностью, что обеспечивало ему определенный кредит доверия. Видя, как Чэн Сюй его игнорирует, люди невольно сочувствовали:

«Ну... не такой уж он и плохой, разве нет?»

«Да, он перегнул палку... Но он, кажется, всё осознал. Даже если они развелись, Чэн Сюй ведет себя слишком жестоко».

«Выглядит довольно жалко».

Впрочем, фанаты Жуань Сяня тут же воспользовались случаем, чтобы уколоть Му Яна:

«Наш Сяньсянь — просто жертва обстоятельств. Чжэн Чухань надавил на него своим авторитетом, разве он мог отказать старшему коллеге?»

«Вот именно! Его теперь все травят, а Му Ян строит из себя невинную овечку, хотя сам не прочь забрать чужое. Где его совесть?»

«Ничего, по всем законам жанра после всеобщей травли наступает период всеобщего обожания. Наш Сяньсянь еще всем покажет».

Но большинство зрителей не купились на эту тактику:

«Жалко его? Да он сам виноват в своих бедах!»

«Если он извинился, это не значит, что его обязаны простить. С чего вдруг?»

«Не твой ли Жуань сначала пошел уводить чужого мужа? А теперь он жертва?»

«Святоши, почему бы вам не пожалеть Му Яна? Ему от Чжэн Чуханя досталось куда больше!»

«Всеобщее обожание? Кого, этого манипулятора? Не смешите».

Зрители полагали, что фанаты Жуань Сяня просто наводят тень на плетень, не подозревая, что те готовят почву для дальнейших действий своего кумира.

Средние по качеству участки забрали Цинь Фэн и Дуань Синбэй. Жуань Сяню досталось одно из самых запущенных полей, находившееся по соседству с участком Линь Фэнмина и Янь Юня.

Профессор выбрал инструменты и, обернувшись, увидел Жуань Сяня, который стоял рядом с потерянным видом. — Что случилось?

— Профессор Линь... — Жуань Сянь замялся, выглядя совершенно беспомощным. — Эти инструменты такие тяжелые, я не могу унести их один. Вы не могли бы мне помочь?

Янь Юнь, собиравший инвентарь для себя и мужа, резко вскинул голову. Его лицо мгновенно потемнело.

Линь Фэнмин молча разглядывал Жуань Сяня в течение трех секунд, отчего тому стало не по себе. Как раз в тот момент, когда он собирался ответить, Янь Юнь с ледяным видом шагнул вперед: — У него слабое здоровье. Я помогу.

Жуань Сянь на мгновение замер, а затем расплылся в благодарной улыбке: — Ой, спасибо большое, Киноимператор Янь!

Профессор Линь опешил. Придя в себя, он невольно уставился на широкую спину мужа. Тот нес инструменты на троих; под палящим солнцем его мышцы казались вылитыми из бронзы, а капли пота стекали по рельефному телу, пропитывая черную майку.

Жуань Сянь радостно семенил следом. Пройдя полпути, он обернулся к Линь Фэнмину: — Профессор Линь, а вы чего стоите? Идемте!

В душе Линь Фэнмина шевельнулось неприятное чувство — горькое, как уксус, и тягучее, как затяжной дождь. Небольшая тучка, которая не дает солнцу проглянуть сквозь пелену, делаю всё вокруг липким и неудобным. Он поджал губы и зашагал следом.

Когда Янь Юнь обернулся на звук шагов, Линь Фэнмин уже вернул себе привычное невозмутимое выражение лица. Однако зрители успели заметить все нюансы. Обычные фанаты были в восторге, а вот поклонники Жуань Сяня ликовали по-своему:

«О-хо-хо! Наш Сяньсянь пошел в наступление!»

«Хе-хе, я всё поняла: сейчас оба будут бороться за его внимание!»

«Обожаю сюжеты, где вчерашние любовники становятся соперниками из-за одного милашки!»

«Сяньсянь — истинный магнит для мужчин! Посмотрите, как они из-за него завелись!»

Остальные зрители были шокированы такой наглостью фанатов Жуаня. Чат взорвался негодованием:

«Вы там совсем берега попутали?!»

«Боже, мне не кажется? Ниннин явно расстроен».

«О-хо-хо, кто-то сейчас получит по шее!»

«Неужели наш Линь приревновал?»

«А-а-а! Ревнующий Ниннин — это так мило! Янь Юнь, болван ты этакий, обернись и посмотри на него!»

«Янь Юнь тоже ревнует, поэтому и вызвался нести вещи, чтобы этот мелкий не крутился рядом с его женой... Вы просто идеальная пара!»

«Гэсао явно ревнуют друг друга! Какое еще обожание Жуаня? Шипперите Братца Чуханя и вашего Сяньсяня лучше».

Янь Юнь донес инструменты до участка Жуань Сяня, небрежно бросил их на землю и, не проронив ни слова, направился к своему полю.

Их земля была в плачевном состоянии: чахлая кукуруза едва достигала колена, а остальная часть поля была густо засеяна то ли арахисом, то ли бататом, который больше напоминал сорняки. Линь Фэнмин стоял на краю поля, погруженный в свои мысли.

Янь Юнь подошел, сбросил инвентарь и, вытирая пот со лба, спросил: — Это что, батат или арахис?

Сейчас был совсем не сезон для сбора батата, но Янь Юнь в этом мало что смыслил. Для него эти знания были в новинку. Обычно профессор не упускал случая его подколоть, но сегодня он лишь холодно бросил: — Не знаю.

С этими словами он надел перчатки и, подхватив мешок, зашагал вглубь кукурузных зарослей, оставив Янь Юня в недоумении. Актер почувствовал, как в груди нарастает тревога — он никак не мог понять, чем задел мужа. Он поспешно схватил инструменты и бросился вдогонку.

Как выяснилось, из всей семерки только Линь Фэнмин по-настоящему знал, что такое труд на земле. В кукурузных зарослях стоял удушающий зной. Жесткие сухие листья при малейшем касании оставляли на коже зудящие красные полосы. Поскольку все остальные были в майках и футболках, тишину поля вскоре огласили жалобные стоны.

Профессор орудовал с поразительной сноровкой. Не оборачиваясь, он быстро уходил вперед. Янь Юнь пытался не отставать, но его руки уже были покрыты сетью царапин. Операторы едва поспевали за ними, снимая сцену издалека.

Актер продолжал настойчиво преследовать мужа. Раздраженный этим мельканием за спиной, Линь Фэнмин резко остановился. Янь Юнь не успел затормозить и врезался в него. Жар его мускулистого тела сквозь тонкую ткань рубашки обжег спину профессора, отчего ситуация стала выглядеть так, будто Фэнмин сам бросился ему в объятия.

Заметив багровые полосы на руках Янь Юня, мужчина рассердился еще сильнее. Он бросил початок в мешок мужа и гневно сверкнул глазами: — Чего ты сюда лезешь со своей неловкостью? Иди выкапывай свой арахис!

Он и не заметил, что этим ответом выдал свои чувства. Янь Юнь же выпалил без обиняков: — Пришел тебя мирить.

Линь Фэнмин на мгновение лишился дара речи, но упрямо бросил: — Я не злюсь.

— О, ты не просто злишься, — Янь Юнь, проследив за его реакцией, расплылся в довольной улыбке. — Ты ревнуешь.

Хотя еще десять минут назад он сам исходил от ревности, сейчас актер чувствовал себя победителем. Для него ревновать было привычным делом — его собственнический инстинкт просыпался, даже если случайная собака слишком долго смотрела на Линь Фэнмина. Но вот ревность со стороны профессора...

За все тринадцать лет их знакомства Линь Фэнмин почти никогда не проявлял столь ярких эмоций, если не считать их перепалок в постели. Увидеть такое было редкой удачей, и Янь Юнь не собирался упускать ни секунды.

Осознав, что его раскусили, Линь Фэнмин пришел в ярость. Он сорвал початок и со всей силы швырнул его в грудь мужа. Тот едва успел поймать его, но сухие рыльца кукурузы рассыпались, липким слоем покрыв его кожу и одежду. Эта труха вызывала жуткий зуд, а на открытых руках Янь Юня эффект был просто катастрофическим.

Линь Фэнмин попытался скрыться в зарослях, но Янь Юнь перехватил его запястье и притянул к себе. От резкого движения остатки сухой шелухи посыпались с майки актера прямо за шиворот профессору. Тот буквально застыл на месте.

Янь Юнь, несмотря на мучительный зуд, не удержался от издевки: — Это называется «подставил сам себя», профессор Линь.

Мучительная чесотка поползла от ключиц к животу. Пот, смешиваясь с грубой пылью, превращал каждое движение в пытку. Линь Фэнмин стиснул зубы; единственным выходом было задрать рубашку и стряхнуть мусор, но оператор был слишком близко. Его ледяная маска дала трещину.

— Чешется? — Янь Юнь мгновенно считал его состояние. — Подними одежду, я помогу убрать.

Оператор с тяжелой камерой на плече как раз продирался сквозь заросли. Зрители в чате изнывали от нетерпения. Линь Фэнмин мельком взглянул на приближающуюся камеру, помедлил три секунды и, закусив губу, решился. Он приподнял подол рубашки, обнажая белоснежную кожу. На фоне яркого солнца эта белизна казалась ослепительной. Узкая талия и капли пота заставили сердце Янь Юня забиться чаще.

— Ну чего ты ждешь?.. — Линь Фэнмин, видя, что муж замер, готов был взорваться. — Быстрее!

Янь Юнь коснулся его талии, смахивая труху. Его пальцы, очертившие ямочки на пояснице, вызвали волну жара, которая была в десять раз сильнее любого зуда. Линь Фэнмин мгновенно пожалел о своем решении.

Но шелуха осталась и выше. Ему пришлось терпеть. — ...Там еще осталось.

Янь Юнь нахмурился и одним движением задрал его рубашку до самой груди. Поскольку его руки были заняты мешками с кукурузой, он скомандовал: — Закуси край.

Это прозвучало слишком похоже на их интимные моменты. Линь Фэнмин вспыхнул, но камера была уже совсем близко. У него не оставалось выбора, кроме как подчиниться и закусить подол рубашки. Янь Юнь грубовато, но тщательно очищал его кожу от колючих соринки.

Когда зуд утих, Линь Фэнмин заметил, что оператор еще не подошел вплотную. Профессор облегченно вздохнул. Но в тот момент, когда он собирался выпустить ткань изо рта, за спиной раздался хруст ветки.

Линь Фэнмин вздрогнул и инстинктивно обернулся, столкнувшись взглядом прямо с объективом камеры. Оба, словно пойманные любовники, вздрогнули. Янь Юнь порывисто притянул мужа к себе, а Линь Фэнмин поспешно выплюнул край рубашки, но было уже поздно.

Тысячи зрителей замерли перед экранами. С их ракурса Линь Фэнмин сначала стоял спиной, пока он не обернулся, закусив подол одежды. Ослепительная белизна его тела на солнце, пальцы Янь Юня, впившиеся в нежную кожу на талии — контраст был просто запредельным.

Чат трансляции буквально взорвался:

«А-А-А-А?! Что вы там делаете?!»

«Ниннин сам закусил рубашку, да?! Боже, я сейчас умру!»

«Я видела, как Юньцзы убрал руки! Он точно его лапал!»

«Какая белая кукуруза... То есть, какая тонкая талия...»

«Я заявляю: талия Ниннина такая белая и изящная, что я хочу ее поцеловать!»

Придя в себя, Линь Фэнмин резко оттолкнул Янь Юня и начал лихорадочно поправлять одежду. Он впервые в жизни в полной мере осознал значение фразы «готов сквозь землю провалиться». Янь Юнь же лишь довольно улыбался. Заметив его физиономию, Линь Фэнмин хотел было разразиться проклятиями, но, увидев труху на плечах мужа, осекся: — У тебя тоже под майку насыпалось?

С одной стороны, он действительно беспокоился, с другой — хотел использовать эту тему, чтобы оправдаться перед зрителями. Но Янь Юнь лишь кивнул: — По твоей милости. И немало.

Сказав это, он не стал чиститься сам, а просто выжидательно уставился на мужа. Спустя мгновение до Линь Фэнмина дошел смысл этого взгляда. Он широко раскрыл глаза от возмущения: — Ишь чего захотел.

— Ты сам в меня этим початком запустил, сам и разгребай. Я, как человек благородный, зла не помню и тебе помог, — Янь Юнь изобразил на лице крайнюю степень изумления. — Профессор Линь снова хочет сделать вид, что мы незнакомы?

Это «снова» прозвучало очень многозначительно. Боясь, что муж ляпнет что-нибудь еще более несусветное, Линь Фэнмин через силу выдавил: — Замолчи. Задери майку.

Поймав взгляд Янь Юня, он понял, что тот делает это нарочно, чтобы дать ему возможность оправдаться перед зрителями. Профессор почувствовал, как сердце предательски забилося. Это было похоже на то забытое чувство из юности, когда получаешь первый подарок от того, кто тебе дорог.

Линь Фэнмин был необычайно красив в своем смятении. Как раз в этот момент Янь Юнь одной

рукой приподнял черную майку, выставляя на солнце рельефный пресс, покрытый каплями пота. Линь Фэнмин не смог отвести взгляд. Последние дни он постоянно думал об этом теле, но не смел разглядывать его так открыто. Судьба заставила его сделать это на глазах у миллионов людей.

Профессор заставил себя действовать спокойно, но стоило его пальцам коснуться кожи мужа, как они словно приклеились к ней. Раньше Линь Фэнмин мог изучать это тело с абсолютным хладнокровием, небрежно бросая: «Форма неплохая, сойдет. Ну что, приступим? Если нет, я спать».

Но времена изменились. Актер буквально сиял от триумфа. Зрители, не знавшие истинной причины смущения Линь Фэнмина, решили, что он просто в восторге от мускулов мужа:

«А-а-а-а! Ниннин покраснел?! Невероятно!»

«Черт, я раньше смеялась над самоуверенностью Юньцзы, но теперь вижу: Профессор Линь действительно без ума от его тела!»

«Как он мило краснеет, но при этом никак не может оторвать рук от пресса мужа!»

В конце концов Янь Юнь не выдержал и подшутил: — Продлевать будете?

Линь Фэнмин резко отдернул руку и отвернулся: — Нет.

Янь Юнь изогнул бровь: — Тогда платите по счету. Вы ведь не думали, Профессор Линь, что это бесплатно?

— У меня нет денег, — бросил тот, уходя вглубь кукурузных рядов.

Янь Юнь последовал за ним: — Неужели у уважаемого профессора нет ни гроша?

— Муж строго всё контролирует, — небрежно отозвался Линь Фэнмин.

Зрители ахнули, но Янь Юнь лишь изобразил удивление: — Вот как? Видать, твой муж — порядочная сволочь.

— Именно так, — хмыкнул Линь Фэнмин.

Актер не обиделся. Спустя пару минут он внезапно спросил: — Профессор Линь, а если сравнить меня и твоего мужа... кто тебе больше по душе?

Линь Фэнмин остановился и оглядел его с ног до головы, словно выбирал огурец на рынке: — Пожалуй, ты.

Янь Юнь заиграл бровями: — Правда? И чем же я лучше?

— Ты как-то посвежее, — с лицом заправского циника ответил Линь Фэнмин. — Муж-то мне уже в постели наскучил.

Янь Юнь: «...»

Чат трансляции буквально зашелся в экстазе:

«О-хо-хо! Кто-то только что узнал, что наскучил собственной жене! Юньцзы, каково это?»

«Ха-ха-ха! Хотел подколоть, а сам сел в лужу!»

«Но он же назвал его мужем! Холодный красавец так буднично произнес это слово... Уверена, в постели он плачет и зовет мужа на помощь!»

Зрители всю наслаждались поражением Янь Юня. Все ожидали, что он либо разозлится, либо замолчит, но актер лишь тихо рассмеялся: — Раз уж он тебе наскучил, бросай его и уходи ко мне.

Зрители восприняли это как шутку, но Линь Фэнмин внезапно замер. Он стоял неподвижно, пока муж снова не заговорил: — Что такое? Ты же сам сказал, что я лучше. Или это ты просто так ляпнул, чтобы не платить по счету?

С трудом вернув себе самообладание, Линь Фэнмин сорвал очередной початок. — Я подумаю.

Янь Юнь кивнул: — Хорошо. Я подожду.

Линь Фэнмин зашагал дальше: — Когда надоест ждать — скажи. Я оплачу те ночи, и мы будем в расчете.

— Я не из тех, кто торопится, — усмехнулся Янь Юнь.

Он помолчал, глядя в спину уходящему мужу, скрытому за широкими листьями. И когда он заговорил снова, в его голосе прозвучала глубокая серьезность: — Я готов ждать. Даже если придется ждать до окончания веков.

<http://bllate.org/book/15367/1412333>